

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

АКТЕРЫ И РОЛИ

ЛЮБАЯ ИЗ ТЫСЯЧИ

ДВА ГОДА, прошедшие со дня окончания Хабаровского училища искусств, казалось бы, складывались для Любы Костинниковой на редкость хорошо. Из всех тогдашних выпускников она первой стала получать большие роли, почти что главные. Годами ждет крупной работы неопытный актер, ждали и ее товарищи, выходя в «массовках» и эпизодах. А Люба, тоже неопытная, играла. Заносчивую Софью Павловну в «Девушках с улицы Надежды», Сашеньку в «Шифровке для Блюхера», остродраматическую Ольгу в «Днях нашей жизни»...

Люба вполне успешно выходила из каждого нового испытания. Она умела почувствовать и, главное, передать состояние своей героини. Она была точна, логична.

Но — редко бывала интересна. В искусстве интересно то, что, как минимум, ново, «открыто» заново, освещено неповторимой индивидуальностью художника, музыканта, артиста. А что могла Люба сказать нового? В своих работах она осваивала, не образ, не мысль, а скорее законы сценической правды, актерскую грамматику. И когда в зале девушки толкали друг дружку локтями: «Смотри-ка, настоящими слезами плачет!» — то это было больше любопытством по отношению к актерской технике, чем состраданием героине.

У каждого свой срок. Вот и у Любы Костинниковой, наверное, обозначилась в творческой жизни какая-то веха.

Потому что после спектакля «Русские люди», где она играет Валю Анощенко, оставаться безликой или подражать более опытной актрисе (и это у Любы было!), наверное, для нее будет невозможно.

За двадцать с лишним лет существования пьесы Валю Анощенко переиграли сотни актрис. Простая, по-симоновски «живая», теплая, искренняя девушка, ставшая в годы войны разведчицей, стойко выдержавшая пытки гитлеровцев, Валя отвечала непреходящей потребности в героическом. Сотни Валь — непреклонных и мужественных, выходили на сцену, чтобы без деклараций и жестов исполнить свой подвиг во имя Родины.

Должно быть, потому, что за многие годы создалась уже определенная исполнительская традиция, Валю — Любы Костинниковой не сразу «узнаешь».

В этой Вале нет и признаков силы и решительности, когда она впервые появляется на сцене. Да, совсем нет в ней ничего такого, что предсказывало бы будущую героиню. Ситцевый платочек да ясные, широко открытые глаза. Они смотрят впрямую и строго. В этом взгляде — девчоночья бескомпромиссность.

На всем облике Вали лежат отсветы еще «той», мирной жизни под безмятежным солнечным небом, возле родных берез, среди добра и доверия, той жизни, когда так легко верилось в счастье, в будущее... Чистые интонации ее голоса еще не затмунены ни подавляемым

страхом смерти (а ведь она с товарищами — в фашистской осаде!), ни трудными мыслями о жизни, о долге, о спасении.

Самым точным определением для Вали — Л. Костинниковой неожиданно явились слова капитана Сафонова, оброненные словно между делом: «...колокольчик твой полевой». И правда, словно цветок на лугу. Такой же простой и нежный. И такой же, как все остальные, совсем среди них неприметный...

Не от самоцельного желания «поломать традиции» появилась такая Валя. Мы увидим дальше, сколько смысла было и в ее хрупкости, и в «неприметности», и в «довоенности».

Когда ношу принимают сильные плечи, мы не видим, как она на самом деле тяжело. А когда вот такой — тоненькой, в ситцевом платочке — приходится взвалить на себя всю меру ответственности за жизнь и судьбу товарищей...

Вот Валя Анощенко сидит перед гитлеровским офицером. Мы не видели, как ее, выданную предателем, поймали фашисты, когда она пробиралась к подпольщикам в оккупированный город. Не видели, как ее били. Не были свидетелями того, как «довоенная» естественная уверенность в завтрашнем дне — и своем, и страны — уступала место осознанию того, что его может и не быть, этого дня, что за него придется заплатить кровью, а то и жизнью.

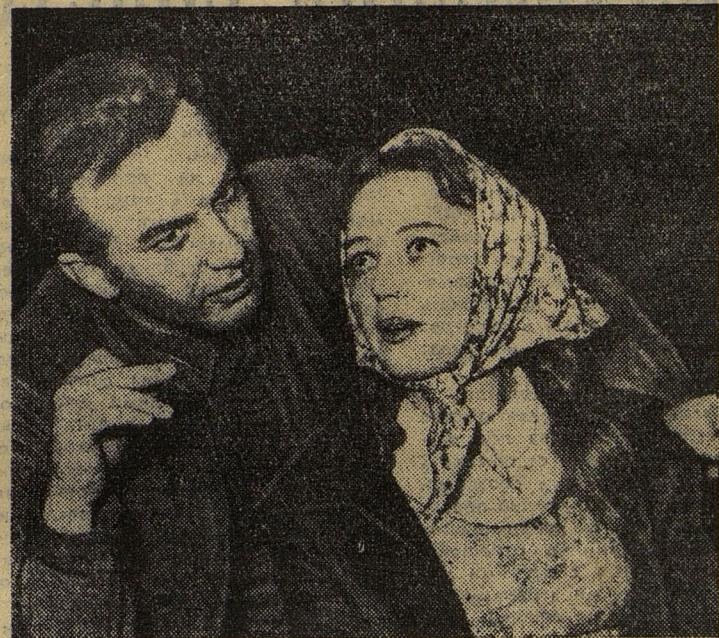
Ничего этого не видя по ходу действия, мы вдруг

ощущаем все эти происшедшие события в одном том, как она сидит перед фашистским офицером на допросе.

Валя измучена побоями и пытками, хрупкие плечи ее сникли. Но что-то новое появилось в ней, что-то такое, что заставляет буквально взрываться гитлеровского офицера, повидавшего виды. Это «что-то» — в неосознанно гордом повороте головы (не от позы, а от огромной ответственности, от понимания своего «полпредства» перед лицом врага).

Оно — в злой настойчиво-однообразной интонации, с которой Валя повторяет один и тот же зотверженный ответ. Горько и твердо сжаты губы (неправда, что она не боится смерти, но есть такие моменты, когда это — не главное). И — ее глаза. Еще недавно такие синие, распахнутые навстречу людям, они за этот прожитый у фашистов день потемнели и призакрылись. Но в них — черная, окаменевшая ненависть.

Сцена эта в спектакле — одна из самых значительных. Ее напряженный драматизм создается не эффектной мизансценировкой, не форсированием звука, не треском страстей, рвущихся в ключья, а именно тем, что сильные чувства у героини бушуют внутри, сжатые, стянутые стальными обручами необходимости. Глубоко трагичен внутренний конфликт между активной, душащей человека, праведной ненави-

стью — и его гибельным положением. Силен контраст: между немощностью истерзанного тела — и силой духа. Выразительно сопоставление: формальный «хозяин положения» немец нервно кашляет, жестикулирует, твердая почва словно уходит у него из-под ног, а та, которой до смерти — четыре шага, неколебима, ее воля здесь главенствует.

Вот она, «неприметная», такая, как тысячи вокруг нее. В том-то и сила наша, что она — «любая» из тысячи.

Может быть, еще рано говорить о «творческой победе» Любы Костинниковой. Кое-что еще не сделано. В каких-то сценах (например, в карцере с Глобой) строгий и чистый рисунок роли портят совсем ненужная истеричность и несвойственный К. Симонову мелодраматизм. Не сыграна любовь к Сафонову. Эти сцены — такие трепетные, такие мужественные и нежные у Симонова —

в спектакле проходят, что называется, чистым текстом. Их внутренняя суть, их атмосфера не переданы.

И все-таки, не зря группа московских критиков и режиссеров, обсуждая на днях спектакль «Русские люди», назвала в числе трех лучших образов спектакля и Любину Валю Анощенко. Это была немалая честь: оказаться в одном ряду с талантливой Р. А. Каненко (Марфа Сафонова) и А. А. Ильясовой (жена бургомистра), с огромной силой сыгравшей трагедию поправного и восставшего человеческого достоинства. Но значит — была она все-таки, победа: победа над ученичеством, над боязнью нового, самостоятельного, победы, в конечном итоге, искусства.

Л. НИКОЛАЕВА.

На снимке: артисты Л. Костинникова и М. Митин в спектакле «Русские люди».